Неёлова Марина 8.9.94.

Известия. — 1994. — 8 сент. — с. 7.

Марина НЕЁЛОВА:
У ТАЛАНТЛИВОГО РЕЖИССЕРА Я ГОТОВА СЫГРАТЬ ДАЖЕ ДЕРЕВО

Парижский корреспондент «Известий» Юрий КОВАЛЕНКО взял интервью у известной российской актрисы Марины НЕЁЛОВОЙ, живущей сейчас во Франции.

— Вы живете теперь на два дома. В Париже, где ваша дочь и муж — советник Российского посольства во Франции Кирилл Геворгян. И в Москве — где «Современник». В таком раздвоенном существовании для вас больше хлопот и беспокойства или, напротив, это источник новых ощущений?

— Вся моя жизнь тесно связана с театром, которому она так или иначе — сознательно или подсознательно — подчинена и который определяет и ее смысл, и ритм ее, и способ существования... Ты находишься у театра на коротком поводке. И в какой-то момент — то ли от усталости, то ли от раздражения или недовольства собой, то ли от объективных или субъективных причин — начинаешь тяготиться этим коротким поводком. И только когда тебя отпускают на длинный, ты вдруг начинаешь понимать прелести короткого.

— Париж дает вам возможность перевести дыхание, оглянуться назад...

— Я бы сказала, посмотреть вперед, подумать о том, что такое была, есть и будет твоя жизнь. Что есть в ней театр, какое место он занимает, хотя, казалось, ты все про это знал. И утро, и вечер, и ночь, и все общения, все мысли и все чтения так или иначе этому подчинены. Потому что это профессия, которую нельзя определить часами, минутами, годами, которые ты ей посвящаешь. И вот сейчас я вдруг оказалась, пожалуй, впервые не на своей почве, оторванной от нее и тем более поняла ценность театра в моей жизни. И смотрю на себя и на театр со стороны. Имею сейчас возможность вздохнуть, набрать дыхания, чтобы побежать дальше. Каждому человеку, занимающемуся такой зыбкой материей, как театр, такая остановка необходима. Я надеюсь, что мне она даст какие-то новые ресурсы. Потому что мир театра неизведан, и конца ему нет.

— Французы — большие театралы. В одном Париже более 100 театров...

— Французская публика мне кажется очень благодарной, наивной и восторженной одновременно. Когда я пошла смотреть «Укрощение строптивой», то по ходу спектакля поняла, что я одна из немногих, кто знает сюжет. Зрители невероятно увлеклись происходящим на сцене и ждали — укротят ли ее в конце концов или нет. Они напомнили тех наших зрителей, которые беспокоятся, убьют Тузенбаха или нет. И когда в конце строптивую укротили, зал разразился невероятными аплодисментами. Не знаю, кому они были адресованы — Шекспиру, ситуации, как таковой, но вряд ли артистам.

— Театр часто консервативен. Самые популярные драматурги и во Франции, и в России — классики. Чем объяснить такое пристрастие к авторам давно минувших дней?

— Шекспир писал только для своих и про своих. Чехов — для русских и про русских. Аристофан — для греков. Получилось у них — для всех и очень надолго. Мы на протяжении многих лет имели дело с драматургией идеологизированной, которая, мне кажется, опасна, ибо порождает фанатизм. На мой взгляд, пьесы не должны решать социальных проблем или политических конфликтов, когда есть вечные темы и вечные вопросы. И именно классика дает то, что волновало вчера, волнует сегодня и будет волновать завтра.

— Российский театр — репертуарный, с постоянной труппой. В Париже — за исключением «Комеди франсез» — каждый театр дает в течение сезона один спектакль, на который собирают актеров. Что вам больше нравится?

— Я столкнулась, к счастью, и с той, и с другой системами и поняла их плюсы и минусы. Четыре года назад на гастролях в Америке мы полтора месяца каждый день играли «Три сестры», а потом «Крутой маршрут». В нашем репертуарном театре ты имеешь возможность каждый день или через день окунаться в совершенно разные воды — из горячих в холодные. Сегодня играешь русскую классику, завтра — современную западную драматургию, послезавтра — советскую пьесу.

— Почему на мировом кинематографическом и театральном небосклоне светят только западные «звезды», а наши остаются яркими, но неизвестными величинами?

— Это очень больно, что наши замечательные российские артисты — и театральные, и те, кто только снимается в кино, — долгое время были лишены возможности быть узнанными. И только сейчас мы получаем право сыграть, удивить, восхитить, только сейчас они начинают узнавать наших актеров, которые имеют и прекрасную школу, и высочайший профессионализм.

— Вы были свидетелем невероятных российских триумфов?

— И во время наших зарубежных гастролей, и в Америке, куда Никита Михалков привозил «Обломова». Это фильм, казалось бы, не для американской публики: вне их ритмов, вне американского нерва, это подробный взгляд на каждый день человека, который живет совершенно в другом измерении. Но американцы поняли наш фильм. Они писали, что «практически вся Америка состоит из Штольцев — нам хотя бы нескольких Обломовых».

— В этом году в Париже прошел русский театральный сезон. Сюда приезжали петербургский Малый драматический театр Додина, Театр на Таганке, вахтанговцы с «Без вины виноватые» в постановке Фоменко. Насколько все это оказалось интересно?

— Додинские спектакли и постановку Фоменко принимали замечательно. И я была так горда, что имею какую-то принадлежность к тому, что называется русским театром.

— А что нового в «Современнике»? Он по-прежнему в отличие от других театров представляет собой единую семью?

— Каждый театральный организм представляет собой семью. Если он перестает быть таковым, то просто распадается, как каждая семья, в которой потеряна любовь. Мне кажется, что в нас она не потеряна. Я думаю, что наш театр, как любой живой организм: рождается, взрослеет, проходит период юности, стареет. Потом, наверное, умирает, а потом снова возрождается. Когда же в наш театр приходят молодые артисты, они занимают в нем очень важное место, они начинают играть главные роли и, так или иначе, привносят с собой какой-то новый заряд.

— В 20-х числах сентября вы возвращаетесь в Россию. С каким настроением? Какие работы вас ждут?

— Я еду с предвкушением тех ощущений, которых я лишена здесь. Потому что я лишена выхода на сцену. Каждый раз я возвращаюсь с каким-то чувством обновления. И мне кажется, что после возвращения я играю чуть-чуть по-другому, чем играла в предыдущий раз. То ли это связано с моей тоской по театру, с его нехваткой, то ли с тем, что угол зрения изменился. Или я увидела что-то новое. Повторяю, жизнь артиста настолько каждодневно меняется, что это не может не отразиться на сцене... Я буду играть «Адский сад» и все свои прежние спектакли: «Анфису» Андреева, «Крутой маршрут» Гинзбург, «Кто боится Вирджинии Вульф?», «Ревизор» и «Три сестры» и весь свой репертуар.

— Кроме того, вы сыграли в фильме Балаяна «Первая любовь»?

— Это называется не играть, а участвовать. Романа Балаяна я очень люблю и как режиссера, и как человека, очень нежно к нему отношусь — с любопытством, с интересом и с желанием с ним работать. Он экранизировал для телевидения два наших спектакля — «Кто боится Вирджинии Вульф?» и «Анфису». Балаян сказал, что только переведет спектакли на телевизионный язык, и его перевод был весьма литературный — он изменил все внутренние связи и внешние. И когда он мне предложил: «Давай, поснимайся в моем фильме», я ответила: «Я сыграю, что бы вы мне ни предложили. Скажете, что мне нужно сыграть у вас дерево, я сыграю дерево или ветку — если получится. Но вы мне предложили даже лист, а не ветку. Но я и этот лист с удовольствием сыграла».

— Кого же вы играете в этом фильме?

— Я играю, по его собственным словам, фон, на котором живут его юные герои. И я прекрасно себя почувствовала в качестве фона у него на съемочной площадке.

— Когда вы начинаете работать с новым режиссером, что вы от него ждете?

— Я всегда себя представляю белым листком бумаги, на котором один напишет какую-то реалистическую фразу, другой нарисует какую-то фигурку на шаре. Третий напишет иероглиф, а четвертый просто поставит кляксу. Мне любопытно все, интересны разные воды, в которые можно войти. Мне кажется, театр — это прекрасное полотно, на котором ты можешь до беспредельности фантазировать.

— Что же это за люди — артисты?

— Я помню, как однажды я читала интервью Тарковского и была почти оскорблена одной фразой, когда у него спросили: «А какие люди-артисты — сложные, несложные?» Он ответил: «Кто вам сказал, что это люди?» Как, до такой степени низводить артиста?! Но потом, когда я стала читать дальше, то поняла, что он совершенно прав: действительно, это какая-то особая субстанция — артист. Не может человек во множестве раз прожить и испытать, что он обязан испытать за кого-то, совершенно другого человека, которым он стал на какой-то отрезок времени. Все процессы, которые происходят в артисте, противоестественны, потому что в момент этих «рождений» ты весь меняешься. Мне иногда кажется, что мы даже химически меняемся, биохимически, что даже группа крови должна меняться, ее состав. И испытывать это ощущение так часто — как вообще не предопределено природой — не может нормальный человек. Не может он столько плакать, столько раз умирать, столько раз рождаться. И эти чувства, которые ты испытываешь в театральной жизни, это и есть твоя жизнь. Поэтому я состою из всех моих ролей, а они состоят из меня: моих глаз, из моих слез. И все они мне дороги, и каждая новая — как новое свидание.

— В чем оно, актерское счастье?

— Вот во всем этом. Во всех этих муках. В этом распинании себя, в этой Голгофе, в этом огне, в этой тошноте перед выходом на сцену. В том, что принято называть вдохновением, которое дарится только на секунду и которое покрывает все твои муки. В этих аплодисментах, которые ты хочешь всегда слышать, в этом понимании тебя зрительным залом, в том, что ты его победил, или в том, что ты его убедил, а он испытал это Нечто. Человеческая жизнь не рассчитана на такое количество потрясений, которые испытываем мы, выходя на сцену. Но потребность это испытать приводит людей в театр.

— Вы сегодня больше любите кино или театр?

— Театр, конечно. Я с кино тоже переживала разные этапы. Была и увлечена, была в него влюблена. Это ведь зависит от твоих кинематографических удач и неудач и испытанных чувств. Когда я снималась в «Монологе» Авербаха, очень любила кино — тогда еще не работала в театре. И когда стали предлагать неинтересные роли, я поняла, что от тебя вообще ничего не зависит в кино, и его разлюбила. Сейчас я уже пришла к тому, что важно у кого сниматься, важно Кто это делает, а не что. Потому что все-таки режиссер является и мозгом, и эмоциями, и направляющей тебя силой. От него зависит все в кинематографе. А в театре многое зависит и от тебя, потому что театр — очень живое дело.

— Давайте оставим кино с театром и поговорим о Париже. В чем же, на ваш взгляд, специфика парижской жизни?

— Я боюсь судить так, сгоряча... Ведь я вижу одновременно и переполненные залы театра, и очереди в кино, а на вернисажах вижу парижских дам, которые пришли, быть может, не для того, чтобы посмотреть выставку — они часто стоят спиной к картинам и обсуждают, куда они сегодня поедут обедать вечером и где обедали вчера... Разглядывают туалеты, мельком бросают взгляд на картину и говорят: «Ах, прекрасно!», тут же забывая о ней. Их взгляды мимолетны, оценки поверхностны. Выставка может быть местом для встречи, для общения, обсуждения. Такая прелестная светская суета, окруженная облаками французских духов, замечательных причесок, шикарных туалетов — на фоне прекрасных полотен. Но таков мой поверхностный взгляд первых дней в Париже, который вызывает смущение во мне же. Потому что я думаю, откуда же тогда эта живопись, если французы мне кажутся поверхностными? А откуда же этот замечательный город, который возник не сам по себе, хотя иногда и кажется, что он родился нерукотворно. Он настолько самостоятелен и горд, так знает все свои прелести и преимущества, так к тебе снисходителен...

— У актрисы, наверное, свой взгляд на французскую моду! Вы что-нибудь из нее для себя позаимствовали?

— Позаимствовать можно только теоретически, потому что с этим надо родиться. Я смотрю с восхищением на француженок, на парижанок, потому что у них врожденное чувство стиля. Оно вроде бы определяет моду, но и вне моды замечательно, потому что только француженки могут так повязать платок, так небрежно перекинуть его через плечо. Ты никогда не обретешь того взгляда, который имеют француженки. У них есть какая-то замечательная женскость, которая не объясняется ни внешностью, ни дорогим костюмом, просто есть некая особая манкость — притягательность, свойственная всякому человеку — своя собственная и необъяснимая. Какой-то биологический состав, какая-то аура, то неуловимое. Поэтому мы можем, конечно, сопутствовать этой моде, можем подражать ей, использовать их цветовую гамму. Но это все будет приложение к нам и никогда не станет нашей органикой. Мы не умеем так сидеть, не умеем так закидывать ногу на ногу, мы не умеем так небрежно садиться в машину, так держать руку на руле, потому что мы родились не здесь.

— Вы обратили внимание на то, как французы относятся к женщинам?

— У них женщину рождает мужчина. Ведь их взгляд делает нас красивыми или некрасивыми, умными или остроумными или лишенными этих качеств. Я вижу, как они смотрят на своих женщин — знакомых, незнакомых, просто проходящих по улице, какими взглядами их провожают. И это не какой-то взгляд снизу вверх, который рождает беспокойство и неприятное чувство. Наоборот, он какой-то замечательный, всегда позитивно оценивающий. Естественно, что и женщина себя ощущает таковой, потому что это есть отражение ее в зеркале.

— Говорят, что ваша дочка, которой семь с половиной лет, очень способный ребенок!

— Действительно, чрезвычайно способный и уникально одаренный ребенок на изобретение разного рода шалостей и безобразий — на остальном способности пока отдыхают. Правда, учась во французской школе, болтает уже по-французски, и я, конечно, сгораю от зависти.

— Трудно быть мужем знаменитой актрисы?

— Во-первых, я никогда не была мужем знаменитой актрисы, поэтому мне трудно судить. Во-вторых, я никогда не ощущала себя знаменитой актрисой. Наверное, трудно быть мужем просто актрисы. Мне кажется, мой муж обладает талантом понимания, который позволяет ему жить рядом с этим «чудовищем», не мешать ему и помогать своим пониманием.

— Ну а трудно ли быть женой дипломата? Вас интересует дипломатия, как искусство?

— Как искусство — очень. Но я не могу внести своей лепты, к сожалению, в это сложное, но любопытное дело. Могу только сопутствовать. И стараться соответствовать. Особенно если сумею себя сдержать вовремя и не задавать того огромного количества глупых вопросов, которые постоянно вертятся у меня на языке.

— Принцесса Сара, жена британского принца Эндрю, сказала недавно, что она взяла бы с собой на необитаемый остров своих двух детей, Библию, которую можно читать и перечитывать, а также мужчину. Как бы вы поступили на ее месте?

— Я бы не поехала на этот остров... раз там столько лишений. Или взяла бы все, что у меня есть. Не знаю, много ли нам нужно в нашей жизни. Но мне надо знать, что у меня есть интересная книга на сегодня, мне надо знать, что я имею возможность иногда побыть одна. Я должна иметь нескольких друзей, очень немного. Знаю, что не люблю быть в толпе и не люблю толпу. Испытываю потребность любить и быть любимой. И если у меня все это есть, мне вполне достаточно. А под словом «любить» я подразумеваю — любить каждый день, любить жизнь, быть счастливой тем, что у тебя еще ко всему этому есть профессия, без которой ты не можешь обходиться. Это очень много, хотя и очень мало. Но на острове этим я бы обошлась.

238